

Виктор ВАСИЛЬЕВ

ПУД МУКИ

Рассказ

Август в этих местах был почти всегда хорошим, а нынче он стоял тихим, многоцветным и теплым, даже жарким. Если смотреть на тайгу сверху, то увидишь бугристую цветную шубу, которая покрывала невысокие горы со всех сторон до горизонта. Все дышало покоем и умиротворением. И природа, и зверье, и человек тихо готовились к совсем близкой осени, а затем к суровой — в этом крае — зиме. В тайге вял и желтел папоротник. С лип, берез и осин тихо падал лист. Пламенела волчьими языками рябина, и не кричал часто, как летом, лесной голубь, и не ухал филин. Вода в реках и озерах делалась все студеной. Ночами из тайги стало тянуть холодом. Травы бурели и никли. Только огромные сосны и ели стояли, как великаны, показывая свою мощь и незыблемость...

Деревушка Лыковка карабкалась вверх по вырубке на невысокой горе. Избы стояли врассыпную: ни улиц, ни переулков. Всего двадцать семь домов... Избы невысокие, приземистые, срубленные как бы наспех. На некоторых крышах росла трава и даже табак. Хороших и просторных домов не было, хотя вокруг сплошные леса. На задах — неказистые баньки по-черному. Даже некоторые избы были без труб, тоже «черные»... Словом, Лыковка была чалдонской деревушкой, и жили здесь чалдоны, предки которых неведомо когда приплыли сюда по Волге и Каме с Дона.

В Лыковке больше половины жителей носили фамилию Лыковых. В том числе и Афоня. Его изба стояла на окраине. До тайги — рукой подать. Как обычно, в этот день он поднялся рано, когда над кромкой тайги встало солнце. Болела голова, во рту пересохло, а губы запеклись. Вчера Афоня гулял в поселке у стрелка Васьки Чагина по случаю дня ангела и перебрал самогона, который здесь гнали особо, — на табаке и курином помете...

Афоня совершенно не помнил, как добрался до Лыковки. Целых три версты ведь. Что-то болел затылок, наверно, Агафья приложила свою руку, злобясь на мужа. Это уж точно... Пить хотелось страшно. Он с усилием поднялся, сбросил старое солдатское одеяло и сел на край кровати. Сначала посмотрел на свое худое, жилистое тело, затем огляделся. Дома никого не было, Агафья, видимо, ушла на ток молотить рожь. У самой кровати лежала распластанная черная медвежья шкура и он чувствовал тепло и щекот медвежьего ворса.

Афоня поднялся и потрусил в сенцы, зачерпнул из бочонка ковшом прохладную воду и начал жадно пить. Сразу полегчало. На дворе раздался лай и

в открытые двери ворвался Ерунда. Он весело запрыгал, заюлил возле хозяина. Лицо Афони оживилось. Он сел на край скамейки, а собака встала на задние лапы, передние положила ему на голые колени. Афоня стал гладить собаку по голове.

— Скажи, Ерунда, это ты меня вчера довел до избы? Должно ты, коли я живехонек...

Собака повизгивала и преданно смотрела прямо в лицо хозяина. Пес был небольшой. Шерсть длинная, темно-серая, уши торчком, мохнатый хвост кренделем. Морда вытянутая, а в пасти большие клыки, как у рыси. Афоня и сам не знал, какая порода сидит в Ерунде. Два года назад Верка Лыкова принесла ему щенка: двухмесячного, мохнатого и с виду веселого.

— Афанасий Емельяныч, возьми, жалко бросить-то его. Нюрка, моя подруга, сунула в дар ко дню ангела, а сама чичас в город уехала. Учиться будет дале... А я куды со щенком?

— А не знаешь, какой он породы?

— Не вестимо, Емельяныч.

Афоня погладил щенка, тот заворчал и залаял. Афанасий засмеялся:

— Кликать-то как его?

Теперь засмеялась Верка:

— Ерундой девки назвали.

— Это как же? Кобель, да Ерунда?..

— Вот те крест, Афанасий Емельяныч. Ерунда он...

Афоня снова засмеялся и опять погладил щенка.

— Ерунда так Ерунда. Чудно токмо...

Без собаки ему было никак нельзя, а своего Полкана он увел в тайгу и со слезами застрелил. Хорошая была собака — сибирская лайка, на любую дичь шла. Но поползли у нее по телу язвы, а из пасти потекла желтая слюна. Вот и пришлось кончить...

Он вздохнул тяжело, выпил еще полковша воды и вспомнил, что в подполе у него был самогон. Но опохмеляться нельзя: от Агафьи попадет, и вообще похмелье — вторая пьянка. Афоня в своей Лыковке боялся только бога да Агафью. Давно она наказывала ему сходить в тайгу за шиповником, который здесь употребляли все как заварку и как лекарство.

«Еще покемарю и сбегаю», — сказал он тихо сам себе, а потом поглядел на собаку и ей:

— Давай, беги на двор к курам. Ерундистика.

И он, чуть пошатываясь, побрел к своему ложу.

Если на Афонию посмотрел бы в это время кто-нибудь посторонний, не лыковский, то точно бы засмеялся: ноги тоненькие и кривоватые, ребра — хоть считай, лицо длинное, кирпичного цвета от загара. А редкая сивая бороденка делала его лицо еще длиннее. Волос у Афони не поймешь — то ли желто-серый, то ли седой. А глазки маленькие, черные и пронзительные. Мальчишки за глаза звали его козлом, и, когда он проходил мимо них, кто-нибудь обязательно

начинал блять по козлиному. В душе он возмущался, но молча проходил мимо, как будто не замечая ничего. Ведь когда-то и он сам был такой.

Но несмотря на все это, Афанасий Лыков был весьма известным не только в Лыковке, но и во всей округе.

Первейший охотник и следопыт, он мог по своим приметам выйти из тайги, взять след зверя; глаз, как он говаривал, был у него, как ватерпас. Зайца Афоня бил не целясь, навскидку. Он уже забыл, сколько добыл медведей... Все потому, что родился и вырос он в этой глухомани. Кроме этого, уважали лыковцы Афоню особо за его грамотейство. Он был единственным грамотным человеком в Лыковке. При царе Николае здесь была церквушка, а при ней — дьячок Иосиф Шилов, сосланный сюда правлением епархии за излишнее почитание Бахуса. Иосиф гордился своим именем — отца бога, но все равно и здесь пил горькую от случая к случаю, служил обедни и всенощные. Он был добр и ласков к людям, поражаясь дремучему быту этих мест.

По доброте своей и от нечего делать, так как службу отправлял редко, стал учить дьячок деревенских огольцов грамоте в своей просторной избе. Приправой к учебе, несмотря на свою мягкость характера, у него служили розги.

Одним из учеников Иосифа был и Афоня. Он хорошо усвоил четыре действия арифметики, прилично читал и писал. Научился даже считать на счетах. К нему приходили лыковцы, прося написать письмо или какую-нибудь бумажку. Длинными зимними вечерами читал Афоня Библию, которую знал почти наизусть.

И тем не менее, был Афанасий Лыков человеком партийным еще со времен коллективизации. Каждый месяц аккуратно нес пятьдесят копеек в партийную кассу, что находилась в парткоме лагерной зоны. В Лыковке больше его называли просто Афоней, меньше — Афанасием Емельяновичем. А в «вольнонаемном» поселке, что был при зоне, стрелки окрестили его блатным дедом. В войну он служил в этой зоне надзирателем и нахватался блатных слов, то и дело употребляя их теперь при разговоре. Но он нахватался в зоне и других слов, совершенно ему непонятных. Они ему казались значительными и таинственными. Это он перенял от политических, которые мучились в лагере невесть за что... Лыковские бабы страсть как уважали Афоню за эти слова. К примеру, сидит Афоня с Агафьей и соседкой Лукерьей Филипповной, пьют чай. А Агафья и говорит:

— Афоня, я чаю испила уже скоко, а пузо-то холодное?..

Афоне очень не по душе невежество жены, да и вообще всех лыковских баб и мужиков, которые постоянно цокают и окают, и он серьезно отвечает:

— Это у тебя, Агаша, должно быть, иллюзия...

Агафья и Лукерья непонимающе таращат глаза на Афоню:

— А цо это тако? — спрашивает Агафья.

— Это такая болость — пузо не принимает тепло, — хитро поясняет Афоня. Кроме всего, Афоня слыл мастером на все руки. Возле избы, на большом